

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ВЕСЕЛЫЙ АФЕРИСТ

СТР.10-11

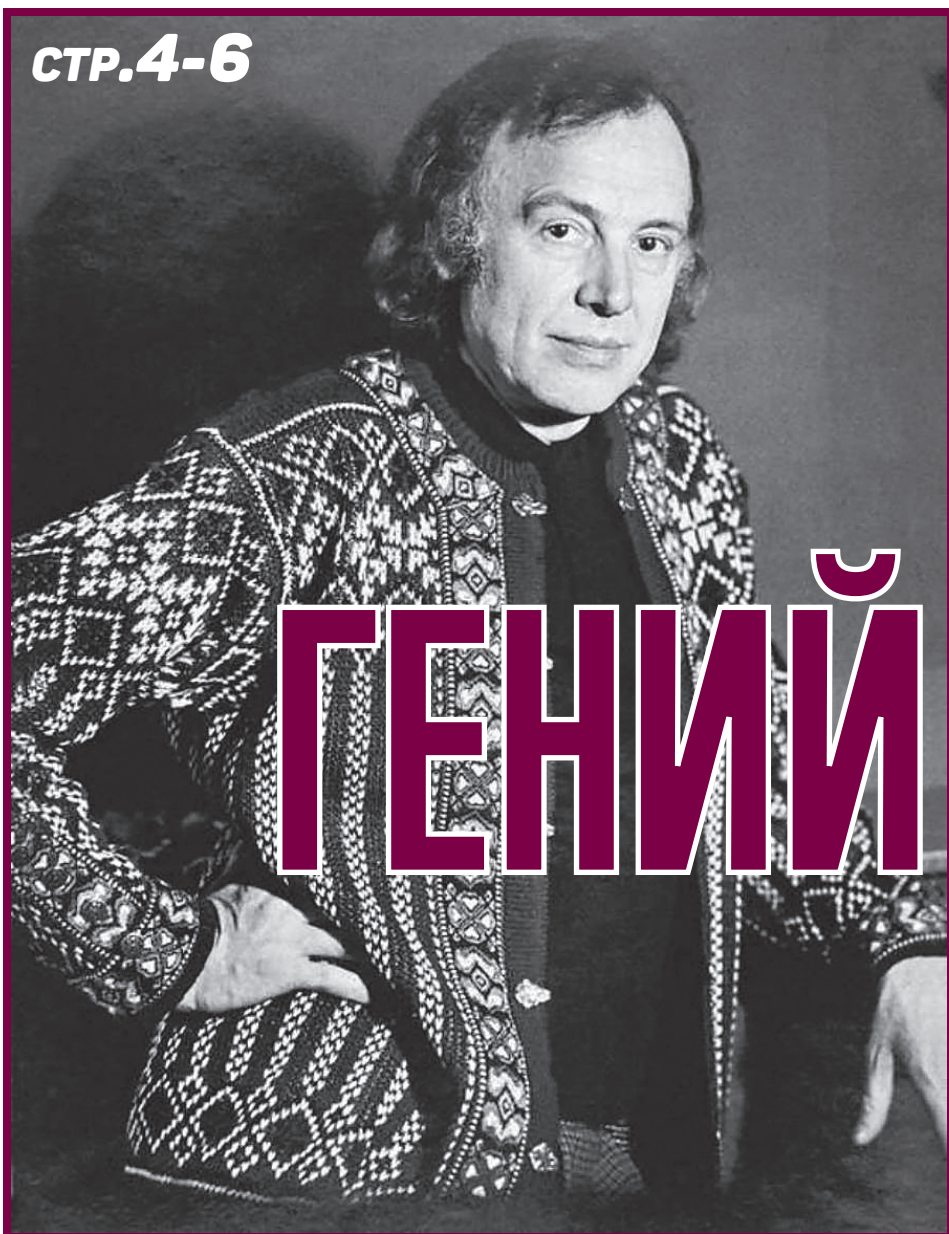
СТР.7-9

ВЕЛИКИЙ РАЗДРАЖИТЕЛЬ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

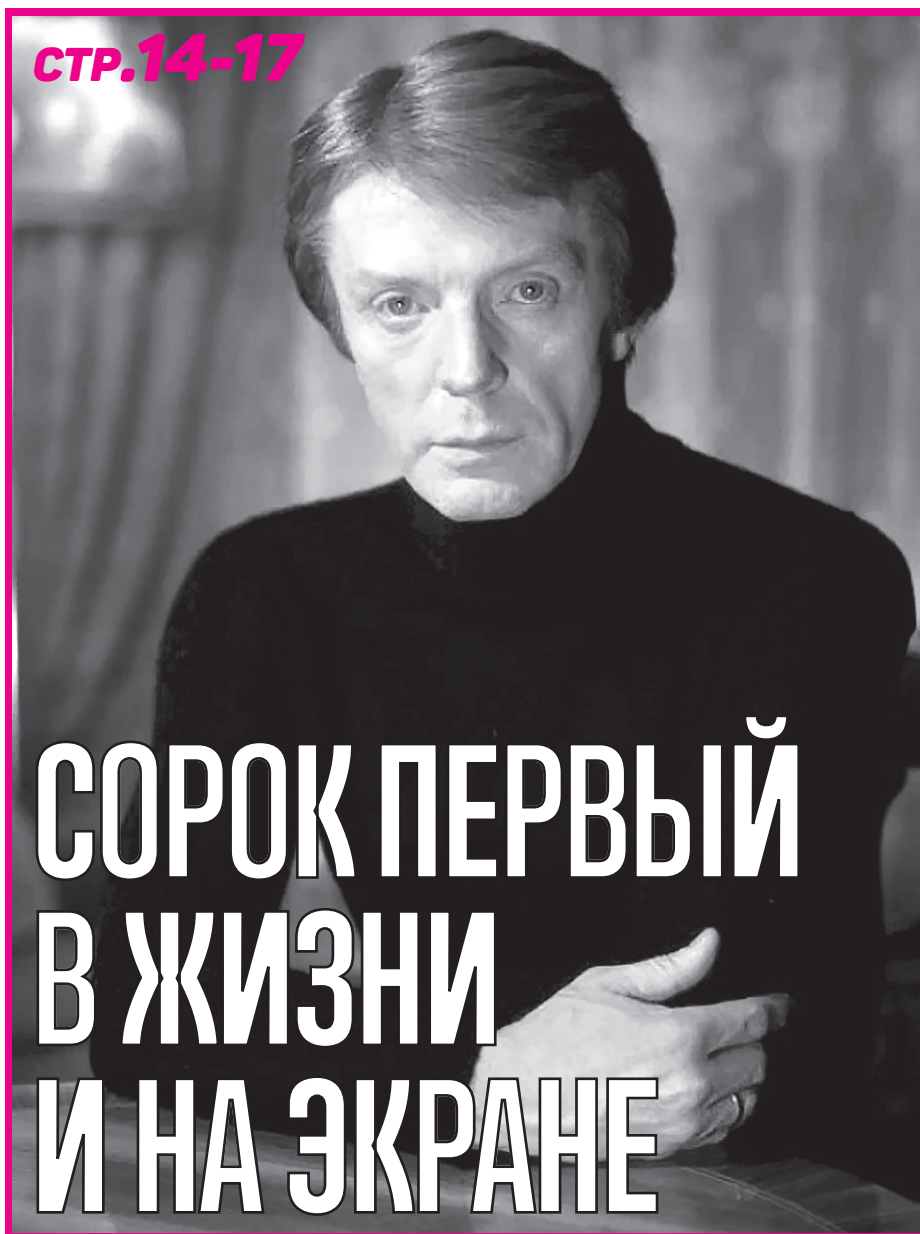
№32 (217)
АВГУСТ 2024

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

СТР.4-6

ГЕНИЙ

СТР.14-17

СОРОК ПЕРВЫЙ В ЖИЗНИ И НА ЭКРАНЕ

Геннадий Норд

«Герой-любownik» и «главный затворник» советского кино рассказал о «тёмной» стороне славы, отношениях с женщинами, с КГБ и о том, как ему удалось оставаться самим собой при тоталитарном режиме.

Когда говорят «великий русский актёр», «звезда советского кино», то лично у меня первым приходит на ум именно Олег Стриженов. Ведь большинство сыгранного им – роли-шедевры в фильмах, давно ставших классикой.

Есть и другой веский аргумент. Пожалуй, он единственный актер в СССР, кто играл только то, что хотел, а когда стало неинтересно, просто перестал сниматься. Совсем.

Уникальность Олега Стриженова объясняется простыми словами: незаурядный актёрский дар плюс феноменальная внешность героя, что встречается крайне редко. В советском кино уж точно. Его герои поражали и восхищали не только

внешней красотой, романтичностью, аристократичным благородством, но и внутренней мощью, силой духа.

Стриженов и вне съёмочной площадки всегда твердо гнул свою линию, что в годы СССР было немыслимым. Как ему это удавалось, - загадка.

Однажды он сказал:

- Меня невозможно взять. Никому. Я сумел остаться независимым даже в самой зависимой в мире профессии.

И это чистая правда.

Михаил Ульянов рассказывал:

- Когда двадцатилетний студент Щукинского театрального училища Стриженов шёл по коридору, все остальные «щукинцы» просто «по стеночкам расползались» - так он магически воздействовал на окружающих.

Нонна Мордюкова вспоминала как они, старшие вгиковцы, специально приезжали в Щуку, «чтобы поглазеть на этого голубоглазого красавчика-мальчика».

После «Овода» и «Сорок первого» слава Стриженова была такова, что уличные сцены с его участием снимались с не-

СОРОК ПЕРВЫЙ

В фильме «Капитанская дочка (1958)

10-го августа народному артисту СССР Олегу Стриженову исполнилось 95.

С родителями, 1933 год

шуточными мерами предосторожности – улицы оцепляли, чтобы его «не разорвали» поклонники, а сам он в течение многих лет был вынужден маскироваться – скрываться за тёмными очками, ходить в гриме, отпускать бороду, выходить из театра и гостиниц через чёрный вход и при необходимости через окно.

О его любовных похождениях, разбитых сердцах первых красавиц страны до сих пор ходят легенды и мифы. Но сам он ни разу их не прокомментировал - даже в своей книге под названием «Исповедь».

Надо ли к этому добавлять, что Стриженов - кумир мальчишек 50–80-х и объект воздыхания всей прекрасной половины Советского Союза? Причём, это не пафосные дежурные штампы, а реальность, сегодня с трудом представляемая.

Неудивительно, что за всю свою жизнь Стриженов дал считанное количество интервью - актёры такого калибра крайне неохотно идут на контакты.

- Расскажите о детстве.

- Я появился на свет в Благовещенске в 1929 году, когда отец гонялся за белокайскими бандитами на Китайско-Восточной железной дороге. Честно признаться, ни левый берег Амура, на котором стоит Благовещенск, ни сам город не помню – мы оттуда уехали, когда я только-только вышел из грудного возраста. Потом были Тифлис, Петергоф и Ленинград, Харьков.

- Переезжали из-за службы отца?

- Отец был профессиональным военным с 15 лет. Выпускник Петербургской Николаевской кавалерийской школы -

В фильме «Пиковая дама» (1960)

В фильме «Дуэль» (1961)

В ЖИЗНИ И НА ЭКРАНЕ

у него два «Георгия» за германскую, потом, почти юноша, он красным полком командовал.

- А мама?

- Мама - выпускница знаменитой петербургской Мариинской гимназии имени Принцессы Ольденбургской Евгении, она называлась так же, как и оперный театр, - Мариинка.

- Семья была большая?

- В семье нас было три брата. Старший - Борис, военный лётчик, лейтенант, в 1942-м погиб смертью храбрых под Сталинградом. Глеб Стриженов - позже известный артист кино. Когда началась война, он, как и многие его сверстники, подделал в паспорте год рождения - 25-й изменил на 23-й. Воевал в морской пехоте, демобилизовался после тяжёлой контузии.

- А когда оказались в Москве?

- В 1935 году мы переехали жить в Замоскворечье. Какое было моё детство? Как и все я играл в Чапаева, носился по улицам, бегал купаться на Москву-реку, дрался с ребятами из чужих дворов.

- Из-за чего?

- Чаще - из-за голубей. Зимой - это всегда лыжи на Воробьёвке и в Нескучном саду, и обязательно коньки. И ещё излюбленное занятие: на валенках - гаги, крюком ухватишься за грузовик, другие - друг за дружку, и вот по переулкам за машиной вьются «колбасой» пять-десять мальчишек с криками и свистом.

- А когда началась война, чем занимался двенадцатилетний подросток?

- Когда началась война, я пошёл работать в НИКФИ - Научно-исследовательский кинофотоинститут. Это бывшая Киностудия имени Александра Ханжонкова. Сначала учеником, потом механиком по аппаратуре в цех обработки плёнки. Это считалось вредным производством - даже молоко выдавали.

В 16 лет меня отправили на трудовой фронт - строить Павелецкий вокзал и прокладывать железную дорогу для электричек. В итоге я даже получил медаль «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны», которой очень горжусь.

- Что особенно запомнилось?

- Война мне врезалась в память бомбёжками. С первых дней войны зажигалки падали на дома целыми кассетами. Мы, мальчишки, красили негорючей извёсткой чердаки, посыпали пол песком, ставили бочки с водой, рядом клали щипцы, чтобы хватать зажигалки и тушить в бочках.

Помню, я настолько привык к взрывам, что просыпаюсь и ловлю себя на мысли: «А-а, не пойду в бомбоубежище - лень»

- Что у вас ещё было в детстве?

- Конечно, кино. Наши фильмы мы смотрели по многу раз и знали наизусть. Ещё потрясающим было впечатление от лучших трофейных фильмов, которые показывали в НИКФИ на просмотрах «только для своих». Голуби, спорт, вечные драки да кино - вот моё московское детство!

- Вы были талантливым юношей?

- О своих талантах я знал всегда. Не только актёрских. Я был очень способный, подвижный, спортивный. Любил игру. И был страшным максималистом, сколько себя помню. Я по знаку зодиака Лев, первач, форвард. Быть только первым - в классе, во дворе, в драке. Помню, много лет спустя, в ВТО, Михаил Яншин познакомил меня со знаменитым спартаковским вратарём Анатолием Акимовым. Это о нём была написана прекрасная книга - «Вратарь республики». Я, тогда уже известный актёр, показал ему свои руки и сказал:

- Дядя Толя, если б вы знали, сколько раз вот эти кулаки были разбиты в драках за право поднести ваш чемоданчик, с которым вы приходили на тренировки и игры.

На Крымском Валу в мои мальчишеские годы стоял громадный деревянный стадион. Сколько мы на том стадионе пропадали, болея за наш «Спартак»

В фильме «Овод» (1955)

С Людмилой Марченко в фильме «Белые ночи» (1959)

С Изольдой Извицкой в фильме «Сорок первый» (1956)

и до крови мутузя друг дружку, лишь бы подобраться поближе к нашим футбольным кумирам.

Когда я рассказал это Акимову, у него аж слёзы навернулись на глаза.

- А творчество?

- Годом к пятнадцати у меня прорезались и творческие таланты - я очень прилично рисовал. Потом закончил театрально-художественное училище. Ещё играл на семиструнной гитаре, пел, плясал. Тогда это называлось словом «бацать».

Наши ребята - с Коровячьего, с Мытной, с Даниловки считались «первачами» в районе, и весь Парк Горького был наш «парчок». Ты представляешь, что это такое быть «первачами» и бацать чечётку в Парке Горького или цыганочку с выходом? Это чудо! А уж если ты человек играющий, поющий, да ещё и бацающий - ты первый в деревне.

Кстати, когда я пришёл в вахтанговскую школу, мне все это очень пригодилось. Этим ещё прекрасно владел Роллик Быков, Роланчик! Он ведь тоже наш был, замоскворецкий. Бывало, мы с ним на пару такой перепляс устраивали - все диву давались! Я мог петь что угодно - от блатняка и куплетов до душещипательных городских романсов и серенад. У меня серенада была дипломной работой в училище.

Посмотри, я в «Мексиканце» пляшу как профессионал, чечётку бью. А потом пришло время, когда весь этот «арсенал» мне просто надоел. Приходишь в компанию, выпьем, «давай пойдём!». Ещё через десять минут опять:

-Бери гитару, пой!

Надоело! Так что примерно к концу 50-х я вообще перестал брать в руки гитару.

- В армию служить призывали?

- Летом 1949 года меня вызвал военком, заглянул в анкету и обрадовался:

- Какая семья - все военные! Я из тебя настоящего офицера сделаю!

А я для себя уже все решил - иду только в артисты. По действовавшему тогда закону студентов вузов в армию не брали. Вот я и поступил в Вахтанговскую школу.

Когда потом принёс справку о поступлении, военком очень сокрушался: - Черт, какого офицера упустили!

- После окончания театрального, где служил?

- После окончания театрального я распределился почти что за границу - в Таллинский театр русской драмы. И сразу начал играть классику - Незнамова в пьесе Островского «Без вины виноватые». Наш театр всегда был битком, и успех у меня был грандиозный.

- А как сложилась любовь в кино? Вдруг сразу Овод и главная роль.

- На главную роль в «Оводе» меня рекомендовал Николай Палыч Акимов, худрук Театра имени Ленсовета. Когда Файнциммер пожаловался ему, что не может найти актёра на роль Артура, Николай Палыч сказал:

- В таллинском театре - вот такой Овод! Записывай адрес!

Тогда на Артура пробовались все лучшие наши актёры - Дружников, Чесноков, Евгений Самойлов, Бондарчук, даже замечательный Гоша Вицин. Бондарчука не стали утверждать, сказали:

- Какой он Овод, это же Стенька Разин! Меня привезли на «Ленфильм». Все ожидали, что сейчас к ним выйдет чернокудрый такой Артур, а тут захожу я - светловолосый, худой, на вид сопляк сопляком. Режиссёр-постановщик смотрит, ничего не понимает. И тут Андрей Николаевич Москвин - великий оператор, который «Ивана Грозного» снимал, говорит:

- Что вы парня разглядываете? Ведите его на грим.

Когда меня вывели в гриме и в костюме, с завитыми черными кудрями, Файнциммер «упал».

- После «Овода» сразу слава навалилась?

- Редкий случай: картину ещё только снимали, а я уже купался в лучах славы. Даже такие знаменитости, как Иван Перевезев, прибежали посмотреть!

- Правда, что из Таллина привезли парня, ну гений? Ну, вылитый молодой Байрон!

Окончание. Начало на с. 15

В Ялте на съёмках собирались огромные толпы, публика не знала, кто я такой, но от одного моего вида балдели. Ну, хорошо было, чего там говорить!

Помню, гуляю по ялтинской набережной, люди останавливаются и смотрят мне вслед. Поэтому, когда вышел фильм, мне казалось, что я уже «давно» знаменит.

- У славы есть и обратная сторона...

Я довольно быстро оценил «прелести» любви народной. Помню, в Одессе Фима Копелян мне говорит:

- Пойдём пообедаем - ты увидишь настоящую любовь народа!

Сидим. Вдруг подходит парочка гуляющих:

- Алик, потанцуй с моей невестой. Потанцуй, и баста!

Копелян чуть под стол не скатился от смеха. Говорю потом Фиме: мол, мне теперь надо дощечку повесить - «Танцую с невестами! Алик» И часы работы указать.

Ещё бывало, кто-нибудь из подвыпивших военных считал своим долгом подойти:

- Это в-вы игрр-рали белорусского офиц-ц-еера?

Отвечаю:

- Ни белорусского, ни таджикского офицера я не играл. А вот белого играл!

- К-к-какая разница? Давай выпьем!

А когда я отказывал, говорили:

- Брезгуешь? Де-р-р-рьмо!

- Фильм Григория Чухрая «Сорок первый» перевернул отношение к советскому кино на западе.

- Действительно, такого нашего кино там раньше не видели. Да его и не было такого. Советское кино было самое целомудренное, иногда на фильм не допускали подростков до шестнадцати лет даже из-за двух-трёх эпизодов с изображением любовных поцелуев. И вдруг все видят такую трогательную человеческую историю любви белогвардейского офицера и красной партизанки.

Фильм имел большой успех ещё потому, что сделан очень профессионально, там прекрасный актёрский ансамбль и великолепная работа кинооператора Сергея Павловича Урусевского. Это он снимал знаменитые сцены, где мы с Изольдой Извицкой сидим голые у костра.

Ещё по поводу «Сорок первого». До сих пор перед глазами такая картина - после показа фильма в Марселе белоэмигранты со слезами на глазах просто завалили нас цветами, кричали вдогонку:

- Целуйте Родину, целуйте нашу землю!

- Говорили, что у вас очень тяжелый характер.

- В 60-е годы до меня доходили разговоры: мол, Стриженов конфликтует с режиссёрами, капризничает, отказывается от ролей, срывает съёмку, из-за чего у него скандал с Госкино и якобы даже вышел приказ - «не снимать».

- Соответствовало действительности?

- Такого не было никогда. У меня был один-единственный крупный конфликт - с Фурцевой, из-за моего отказа играть роль князя Болконского в «Войне и мире» Бондарчука. Очень многим мой отказ пришёлся не по душе.

В фильме «Переключка» (1965)**В фильме «Его звали Роберт» (1967)**

Причём, отказ совершенно не касался Сергея. Причина в другом. У меня внутри накопилась такая, мягко говоря, неприязнь к этому главу под названием Минкультуры. Я так и сказал Фурцевой:

- Что же вы за поручика, за «Пиковую даму» выдвигаете меня на Ленинскую премию выдвигаете, а не даёте ничего! Газетчики пишут, мол, Стриженов опять сыграл гениально, но ждём образ какого-нибудь простого советского человека, например, директора колхоза. Что же не заступитесь! А вы мне опять эпюлеты - князя.

Я специально сделал пробу, чтобы доказать всем, что больше Болконского у них нет. И отказался сниматься. Сказал им, что «на вашем месте закрыл бы фильм».

- И как реагировала министр культуры, член ЦК КПСС?

- Фурцева мне позвонила, вызвала, я приехал. Думал, будем с ней беседовать по-дружески, один на один, тогда, может, уговорит. Открываю дверь, а там... вся коллегия, чиновники отдела культуры ЦК, директор «Мосфильма» Сурин и все руководство съёмочной группы «Войны и мира». Ну, я и выдал при всех:

- Сниматься не буду. Вот вы хотите, а я не хочу!

Она посмотрела на меня так, что дали ей волю, тут же разорвала на куски. А я взял и ушёл.

Мне потом сказали, что у неё в столе лежал готовый указ о присвоении мне звания «народного».

- Последствия были?

- Через некоторое время мы встретились с Фурцевой на международном фестивале. Снимались на коллективное фото - Жан Марэ, она и я рядом с ними. Фотограф командует:

- Внимание - снимаю!

И в этот момент я, улыбаясь, говорю:

- Екатерина Алексеевна, когда званье-це вернёте?

А она:

- Вернём-вернём.

Я же знал, что все равно вернут.

- И когда вернули?

- В 1988-ом и вернули. Так что если и был приказ, запрещающий меня снимать, то негласный. Поэтому, если внимательно посмотреть мою фильмографию того периода, то видно, что режиссёры снимали меня активно и охотно.

В фильме «Земля, до востребования» (1972)**В фильме «Неподсуден» (1969)**

В фильме «Последняя жертва» (1975)

В фильме «Звезда пленительного счастья» (1975)

Вот отказывался я часто. Например, Басов просит меня сыграть Рощина. Но я же не дурак, понимаю: ещё за одну белогвардейщину я не то что Ленинскую премию не увижу, но ещё и получу по полной. И выбираю роль Афанасия Никитина, замечательного русского купца-путешественника.

Мой друг, Володя Фетин, специально прилетал ко мне в Свердловск вместе с оператором Женей Шапиро уговаривать на роль поручика Ярового.

Говорю:

- Володя, я люблю тебя, но я не специалист по поручикам. Тем более что Яровой по сравнению с моим Говорухой-Отроком - плохая роль. Он - подлец, предаёт жену. А мой поручик - гениален, он любит женщину и погиб за любовь.

Я давным-давно решил, что у меня все будет единожды: один белогвардеец, один путешественник, один мент, один лётчик гражданского флота. А штамповать - нет, извините!

- А в партию вступать предлагали?

- Предлагали и не один раз. Меня часто спрашивали:

- Олег, ты в партию вступать отказался, играл кого хотел, «рекомендации» не слушал. Как же ты вообще выжил при советском режиме?

Могу сказать одно: я - бесконечный патриот из очень хорошей русской патриотичной семьи. У меня отец командовал полками, брат - советский офицер, лёг за Сталинград в 23 года. Я мальчиком работал в войну. Сыграл Овода - любимый образ молодёжи. Какие ко мне могут быть претензии у режима? Ну не вступаю я в партию, не хочу. Ну и что? На моих глазах люди лезли туда, чтобы делать карьеру. А разве мне нужно было с помощью партбилета делать карьеру? Нет! Так зачем мне партия и бесконечные партсобрания? Уж лучше с девушкой лишней раз повстречаться.

Уникальный случай - перед поездкой за рубеж меня никогда не вызывали на собеседования и инструктажи. И в поездке кагебэшники общались со мной замечательно. Я их спрашивал:

- За кем стучите?

И докладывал им:

- Иду гулять в город!

Вместе смеялись.

- Вы были много раз женаты...

- Со своей первой женой я познакомился на съёмках «Овода». Марианна была тогда известной актрисой Театра имени Моссовета. Снялась в «Тарасе Шевченко», а после «Овода» в популярных картинах «Высота», «Слепой музыкант» и других. Что интересно, она начала сниматься в роли Джеммы под девичьей фамилией Бебутова, а в титрах уже была Стриженова. Мы поженились в конце фильма.

- Почему разошлись?

- Когда меня спрашивают о том времени, я честно говорю: не помню. Я стараюсь ничего не помнить из той жизни, особенно, что касается старых бытовых, семейных коллизий. Всех интересует: с кем жил, с кем романы крутил, с кем спал. Поэтому я отвечаю: у меня никаких романов не было, у меня единственный роман - с моим творчеством. Очень бурный, страстный - до фанатизма.

- Но увлечения ведь были?

- А увлечение самое крупное и яркое одно на всю жизнь - моя нынешняя супруга Лина, Лионелла Ивановна.

С женой Лионеллой Ивановной

Хотя я со всеми своими жёнами общался, да и с сыном Сашей мы очень дружны, он вырос в моем доме. Саша родился во втором браке Любовью Лифенцовой.

- Вы считаете себя однолюбом?

- Наверное, я однолюб. Даже не «наверное», а, как результат, - несомненно «да»! Другое дело увлечения - можно же увлекаться сколько угодно, особенно по юности. Честно говоря, я люблю красивых людей. Вообще. А женщин - тем более!

В их кругу чувствуешь себя приятней. Меня вон уговаривали сниматься в картине «Приступить к ликвидации», говорю:

- Не хочу!

- Почему? Гениальный же сценарий!

А я категорически возражал:

- Ну и что? Я же очень нормальной сексуальной ориентации. А в вашей картине нет ни одного женского лица! У вас герой - педераст или онанист?

Это я настоял, чтобы у «моего» героя

лежала под стеклом фотография женщины. Положили. Получился замечательный фильм.

- С Лионеллой Ивановной у вас был бурный роман?

- Наш роман с Линой получился невероятно красивым и романтичным. Ведь ещё задолго до него у нас была ещё одна встреча, но какая! 1955 год. Шли съёмки «Мексиканца», в котором я играл боксера Риверу. Оставалась последняя «режимная» съёмка возле Оперного театра. Я увидел её сразу. Она скромно стояла за верёвочным оцеплением в толпе любопытствующих. На вид лет шестнадцати-семнадцати, с огромной копной волос, с лучезарными карими глазами и тонкой осиной талией.

Не зная, что сказать, спросил:

- Вы не Джина Лоллобриджида?

- Меня зовут Лионелла.

- Ну, значит, я угадал - итальянка!

А можно я буду вас звать просто - Ли?

Увы, наш разговор прервали, меня чуть не силой утащили на съёмку. А вечером вся наша съёмочная группа уехала в Ялту.

- Но вы все равно встретились?

- Мы встретились позже - в 1962-м! Оба «вспыхнули». Но я был женат, у меня был маленький ребёнок. А ещё тринадцать лет спустя мы встретились на съёмках «Последней жертвы» у Петра Тодоровского, и с тех пор мы, практически, уже не расставались.

- Вы что-нибудь изменили, если бы начали все сначала?

- Нет. Сегодня главное в моей жизни - семья. Я ни на что не жалею. Я не отказываюсь ни от одного своего фильма, ни от одной своей работы в Художественном театре, который боготворил и боготворю. И в кино все роли были отобраны. И более сорока лет семейной жизни с любимой женщиной - это большая радость и счастье!

